

Неизданныя письма Н. И. Пирогова.

(Къ исторіи высшаго образованія и русско-польскихъ отношеній).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) ¹⁾.

Въ письмѣ отъ 19 іюля (по старому стилю) Н. И. Пироговъ сообщаетъ о своихъ поѣздкахъ по Германіи для осмотра нѣмецкихъ университетовъ и о неутомимыхъ занятіяхъ кандидатовъ, нравственные интересы которыхъ онъ близко принималъ къ сердцу. Особенно это сказалось въ сообщеніи о Хорошевскомъ.

Здѣсь же чрезвычайно важны для личной біографіи Пирогова его заявленія по вопросу о положеніи поляка-профессора русской или всеобщей исторіи въ русскомъ университетѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что неудобства такого положенія въ глазахъ Пирогова не являлись поводомъ къ ограниченіямъ и преслѣдованіямъ какой-либо изъ населяющихъ Россію народностей вообще, поляковъ—въ частности. Знаменитый гуманистъ всегда проповѣдывалъ равенство всѣхъ націй предъ общей родиной-матерью. Это онъ доказалъ своей административно-педагогической дѣятельностью и особенно ярко выразилъ въ своихъ одесскихъ и кievскихъ прощальныхъ рѣчахъ, а также въ публицистическихъ статьяхъ (собраны въ I томѣ сочиненій Пирогова подъ моею редакціей, изд. 1914 года).

Многое уясняетъ въ вышеприведенномъ письмѣ Н. И. Пирогова его обращеніе къ студентамъ-полякамъ, относящееся къ марту 1861 года, послѣднимъ днѣмъ его попечительской дѣятельности. Оно напечатано въ моей статьѣ объ отношеніи Н. И. Пирогова къ студентамъ-полякамъ („Русская Школа“, 1916, январь), но приводится здѣсь, въ виду его разносторонняго интереса, вслѣдъ за письмомъ къ А. В. Головнину.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль—іюнь 1917 г.

Милостивый Государь Александръ Васильевичъ!

Осмотрѣвъ еще 5 университетовъ, я возвратился на нѣсколько дней въ Гейдельбергъ съ тѣмъ, чтобы отправиться еще до окончанія семестра опять въ путь, для осмотра еще 4 университетовъ (въ томъ числѣ 4 швейцарскихъ); послѣ того, уже на будущій семестръ, мнѣ останется, кромѣ отдаленныхъ, сѣверныхъ, германскихъ университетовъ, побывать еще въ мюнхенскихъ и австрійскихъ.

Отчетъ о моемъ путешествіи я, по причинѣ накопившагося матеріала, не прежде могу представить Вамъ, какъ въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцахъ, а на лѣтнія вакаціи (отъ 15 августа до 15 октября н. с.) думаю отправиться для возстановленія здоровья моей жены на Средиземное море, если только этому не помѣшаютъ политическія обстоятельства.

Вексель на слѣдующее мнѣ 3-мѣсячное содержаніе прошу Васъ покорнѣйше (такъ какъ я его еще не получилъ) приказать прислать ко мнѣ по-прежнему въ Гейдельбергъ.

Изъ видѣнныхъ мною, во время моего объѣзда, нашихъ посланныхъ не могу Вамъ довольно похвалить ревностныя занятія г.г. Алексѣева (въ Геттингенѣ у пр. Воеллера), Паульсона и Степанова (у пр. Лейкардта въ Гиссенѣ). Всѣ они, какъ я убѣдился въ томъ, проводятъ цѣлый день въ рабочихъ у профессоровъ и заслуживаютъ всякаго поощренія.

Изъ всѣхъ профессоровъ, Лейкардтъ принялъ горячо и прямо къ сердцу усовершенствованіе въ наукѣ нашихъ молодыхъ людей. Они приняты въ его рабочей и въ домѣ, какъ свои.

По возвращеніи моемъ въ Гейдельбергъ, я нашелъ здѣсь Хорошевскаго (посланнаго изъ С.-Петербургскаго округа по исторіи) въ большой тревогѣ; онъ пріѣхалъ сюда нарочно ко мнѣ изъ Парижа. Дѣло вотъ въ чемъ. Хорошевскій, числящійся въ спискѣ посланныхъ по всеобщей исторіи, собственно занимался исключительно, подъ руководствомъ пр. Костомарова, русской исторіей, и теперь жаловался мнѣ на его ложное положеніе. Онъ родомъ—полякъ, и потому, оставаясь историкомъ, предвидитъ для себя въ будущемъ различныя трудности при исполненіи официальныхъ обязанностей доцента.

Конечно, онъ послѣ приключившейся ему серьезной болѣзни въ Парижѣ (воспаленія легкихъ) хандритъ и, можетъ быть, и преувеличиваетъ непріятность своего положенія; но тѣмъ не менѣе, въ его доводахъ я нахожу значительную долю правды: для насъ, полякъ-профессоръ или учитель исторіи, не можетъ быть лицомъ не заподозрѣннымъ болѣе или менѣе; для запад-

ныхъ провинцій, напримѣръ, существуетъ предписаніе не опредѣлять въ учителя исторіи польскихъ украинцевъ. Хотя Хорошевскій, сколько я его знаю, не принадлежитъ къ крайнимъ полякамъ, но безпристрастнымъ въ щекотливыхъ историческихъ запросахъ врядъ-ли ему удастся сдѣлаться; по крайней мѣрѣ, это не удастся его соотечественникамъ, и я понимаю его сомнѣнія и предчувствія.

Въ моихъ глазахъ, это доказываетъ, что онъ не ипокрить и не втянулся еще въ іезуитизмъ, которымъ такъ заражена большая часть его земляковъ. Онъ желалъ бы перемѣнить свой предметъ и выбрать изученіе славянскихъ нарѣчій; судя по тому, какъ онъ скоро научился по-чешски и по знанію его русскаго и славянскаго языковъ, должно полагать, что онъ имѣетъ способность къ этому изученію. Поэтому, я одобрилъ его планъ на предстоящей вакаціи поѣхать въ С.-Петербургъ, для личныхъ объясненій съ Вами, и, давъ ему мое согласіе на эту поѣздку, обѣщавъ ходатайствовать у Васъ о его предложеніи, что и исполняю.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою, *Н. Пироговъ.*

Теперь приведу и „воззваніе“ Н. И. Пирогова къ студентамъ-полякамъ. При этомъ напомнимъ тѣ слова изъ его замѣчательной прощальной рѣчи къ студентамъ Кіевскаго университета (отъ 8 апрѣля 1861 года), въ которой подробнѣе развиты взгляды Н. И. на старый и вѣчно новый вопросъ о взаимоотношеніяхъ національностей, связанныхъ волею историческихъ обстоятельствъ единымъ государственнымъ устройствомъ. Напомнивъ, что онъ внушалъ молодежи чувства уваженія къ закону и долгу не угрозами, не преслѣдованіемъ, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ; заявивъ, что онъ всегда отдавалъ должное всѣмъ высокимъ стремленіямъ духа молодежи; указавъ, что для него были равны всѣ учащіеся безъ различія національностей,—Н. И. Пироговъ сказалъ: „Но, не различая вашихъ національностей предъ лицомъ науки, я никогда не мечталъ о слитіи васъ въ одно цѣлое, избѣгалъ раздражать самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ“. Въ этомъ—завѣтъ государственной мудрости знаменитаго ученаго и патріота въ отношеніи національнаго вопроса.

„Могу сказать, положивъ руку на сердце,—такъ начинается обращеніе Н. И. Пирогова къ студентамъ-полякамъ Кіевскаго университета,—что въ святомъ дѣлѣ науки и правды я никогда не дѣлалъ различія между студентами русскими, поляками, нѣмцами и евреями. Я вѣрилъ тому, что въ университетѣ научныя стремленія должны быть сильнѣе національныхъ.

Но два года тому назадъ я замѣтилъ, что учрежденіе студенческой библіотеки—дѣло чисто научное и нашедшее сочувствіе у русскихъ, не такъ было принято поляками. А теперь національныя стремленія поляковъ уже такъ обнаруживается сильно, что могутъ взять легко перевѣсъ надъ научными.

Моя обязанность предостеречь васъ, сказавъ вамъ чистую правду. Вотъ она. Изъ васъ, вѣрно, никто не пожалуется на стѣсненія со стороны университетскаго начальства, какъ вы жаловались прежде. Вы пользуетесь полною свободою ученія въ университетской жизни. А это можно было сдѣлать только потому, что вы теперь, наравнѣ съ прочими гражданами, подчинены общимъ постановленіямъ. Начальство края не дѣлаетъ также, какъ и университетское, никакого различія между русскими и поляками.

Но это опять предполагаетъ, что и студенты не сдѣлаютъ университетъ мѣстомъ проявленія національныхъ стремленій; да и внѣ университета проявлять ихъ безъ такта и наперекоръ существующему порядку вещей—значитъ, не только дѣйствовать въ упрекъ самой національности и противъ себя, но и навлекать нареканіе противъ цѣлаго сословія, къ которому принадлежимъ. А всего хуже, что, такъ дѣйствуя, вы можете стѣснить и ту свободу, которою пользуетесь въ университетской жизни, лишая возможности ваше начальство оправдывать васъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія.

Кто дорожить свободой науки, тотъ не долженъ заграждать путь, которымъ мы хотимъ вести васъ къ знанію и правдѣ. Онъ и безъ того труденъ. Неужели же кто-нибудь изъ васъ хочетъ доказать, что мы все еще не зрѣлы и не способны преодолѣть трудности этого пути? Всякая нація, заявляя свою народность въ присутствіи другой безъ надлежащаго такта, легко пробуждаетъ не сочувствіе, а ненависть и вражду. Что же будетъ, если національная вражда заглушитъ научныя стремленія, которыя любятъ безстрастную свободу мысли и слова.

Обсудите же теперь безпристрастно и хладнокровно ваши дѣйствія. Припомните, что за недавними событіями обнаружился здѣсь въ городѣ цѣлый рядъ дѣйствій, имѣвшихъ одинъ характеръ. Молва, быть можетъ, преувеличивая, приписывала ихъ вамъ, какъ молодымъ людямъ, расположеннымъ къ увлеченію. Мѣстное начальство не могло не обратить на это вниманія. Къ сожалѣнію, нужно признаться, что нѣкоторые изъ васъ все сдѣлали, чтобы поддержать слухи. Можно ли было при такихъ обстоятельствахъ избѣжать недоразумѣній разнаго рода, подозрѣній и другихъ непріятностей? Жалобы и упреки въ такомъ случаѣ естественны, и я не удивляюсь, что вы жалуетесь. Но, спрашивается, сдѣлали ли вы съ своей стороны все, чтобы предупредить раздраженіе, удалили ли поводы къ толкамъ и обезпечили ли строгою законностію собственныхъ дѣйствій точное исползованіе закона?

Кто искренно желаетъ правды и правосудія, тотъ не долженъ ли прежде всего самъ исполнять законъ и не дать никакого повода къ его нарушенію? Между тѣмъ, нѣкоторыя дѣйствія и поступки, въ которыхъ уже ясно участвовали, хотя, можетъ быть, и не всѣ изъ васъ (какъ-то: шумъ и беспорядки въ театрѣ, столкновенія съ полиціею во время антрактовъ и на пожарѣ, рѣзкое несоблюденіе формы, такъ какъ вамъ дано право не носить ее совсѣмъ внѣ университета, появленіе фантастическихъ костюмовъ на улицѣ и т. п.), должны были въ глазахъ мѣстнаго начальства оправдывать молву, приписывавшую вамъ и другія, болѣе значительныя, происшествія, которыя обнаруживали національныя стремленія, выраженные незаконно, грубо и безтактно (выбитіе стеколъ ночью въ пансіонѣ для дѣвицъ, письменныя объявленія на стѣнахъ, ношеніе траура на форменномъ платьѣ, нѣкоторыя выходки въ трактирахъ и т. п.).

Этимъ объясняются и дѣйствія мѣстной администраціи, можетъ быть также не всегда правильныя, на которыя вы теперь жалуетесь. А отсюда берутъ начало и ваши желанія имѣть болѣе опредѣленныя гарантіи. Судите же теперь: совершенно ли внѣ васъ лежитъ причина вашихъ жалобъ и неудовольствій?

Я обѣщаль вамъ ходатайствовать, чтобы ваши законныя желанія были удовлетворены, но съ условіемъ, если они изложены будутъ прилично и въ умѣренномъ тонѣ. Что же вышло? Вы сами знаете. Могли ли вы требовать, чтобы вамъ сочувствовали и раздѣляли вашъ взглядъ на вещи, ведущій не къ

достиженію правды и законности, а еще къ большому раздраженію. Желать бы этого могли бы только одни пессимисты или увлеченные порывами страстей.

Итакъ, я имѣлъ полное право, и не юридическое, а нравственное, отказать вамъ въ моемъ участіи, какъ скоро условіе, сдѣланное мною, было не соблюдаемо. Но, желая добра одинаково всѣмъ студентамъ, безъ различія національностей, я считалъ не нравственнымъ съ моей стороны оставить васъ на томъ опасномъ пути, куда увлекають васъ порывы страстей.

Я сдѣлалъ больше, чѣмъ обѣщаль, болѣе, чѣмъ имѣлъ право сдѣлать. Я полагаю, что благоразуміе и разсудокъ, наконецъ, возьмутъ свое. Я и теперь еще не теряю убѣжденія, что вы не лишите меня всѣхъ средствъ быть вамъ полезнымъ такъ, какъ я этого искренно желаю“.

Сообщилъ **С. Я. Штрайхъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).